У. Г. Зюзина

К мечте и от мечты: фантазия как механизм формирования бытия в графическом романе Нила Геймана «The Sandman»

Аннотация: В статье рассматривается роль грезы в графическом романе «The Sandman» британского писателя-фантаста Нила Геймана. Подчеркивается сходство и взаимосвязь механизмов мечтания и сновидения и их репрезентация в романе. Мечтание, будучи одновременно плодом воображения, фантазией субъекта и носителем истины, рассмотрено как основной механизм формирования бытия мыслящего существа — причем бытие может определяться как самим процессом мечтания и прямым стремлением к исполнению мечты, так и бегством от нее с целью рационализации. Автором выдвинуто предположение, что обе стороны единого процесса, движение к мечте и от мечты — к истине и от истины, репрезентированы в графическом романе с помощью единого визуального образа — глаза.

Ключевые слова: Нил Гейман, «The Sandman», мечта, сновидение, бытие

Towards and Away from Dreaming: Fantasy as a Shaping Mechanism of Being in Neil Gaiman's “The Sandman”

Abstract: The article deals with the role of dreams in the graphic novel «The Sandman» by British science-fiction writer Neil Gaiman. The author emphasizes the similarity and connection between the mechanisms of dreaming while awake and in the sleep and their representation in the novel. Dreaming being the subject’s fantasy and the bearer of the truth at the same time is considered as the main shaping mechanism of being of the thinking creature — at that being can be determined both by the process of dreaming itself and the direct desire to fulfill the dream, and by running away from it for the purpose of rationalization. The author suggests that the both sides of the single process, the movement towards and away from dreaming — towards and away from the truth, are represented in the graphic novel by a single visual image — an eye.

Keywords: Neil Gaiman, “The Sandman”, dream, being

Сюжет графического романа-эпопеи Нила Геймана «The Sandman» строится вокруг семьи Бесконечных — антропоморфных персонификаций абстрактных идей, управляющих жизнями людей: Судьбы, Смерти, Сна, Сокрушения, Страсти, Страдания и Сумасшествия (Счастья). Центральной фигурой повествования является Морфей — Сон из рода Бесконечных (англ. Morpheus, Dream of the Endless).

Имя главного героя заслуживает отдельного внимания: в случае Бесконечных в романе Геймана имя являет собой не только означающее, но также суть и главную функцию персонажа. В оригинальном тексте романа Морфей носит имя Dream — слово, означающее как «сон», так и «мечту», «грезу». Морфей в романе Н. Гейман воплощает обе стороны значения своего имени: управляя миром сновидений, имея власть над спящими с одной стороны и активно взаимодействуя с миром Яви, влияя на него — с другой. В русском переводе романа эта двойственность имени (Сон) стала менее очевидной, однако мы предпримем попытку заново сконструировать связи между сном и мечтой и обозначить сходства этих явлений.

Прежде всего необходимо отметить двойное значение понятия «сон» в русском языке. Под словом «сон» мы подразумеваем как физиологическое состояние, так и процесс конструирования некой «внутренней реальности», восприятия образов, возникающих в сознании спящего. Этот элемент создания собственной реальности, воплощения в специфическом ментальном пространстве[1] своих желаний и стремлений роднит сновидение с мечтой — не зря мечтание иногда называют «сном наяву»[2]. Именно созидание как общую черту сновидения и мечты мы и положим в основу дальнейших размышлений.

Итак, мы рассматриваем сновидение как собственный конструкт человека. Но и здесь нас

поджидает двойственность. С одной стороны, сон — это творение спящего, произведение его бессознательного, неотъемлемая часть его самого. С другой же стороны, сон воспринимается сновидцем как нечто, приходящее извне, нечто, *отделившееся* от сновидца и живущее своей жизнью, — некие предлагаемые обстоятельства, над которыми сновидец (в большинстве случаев) не властен. Сон — одновременно правда и фантазия; материалом для сновидения являются обрывки воспоминаний сновидца, его собственные ощущения, а также причудливо зашифрованные в виде образов вытесненные желания и импульсы. Сон становится сконструированной сновидцем же реальностью, в которой он при этом чувствует себя беспомощным. Особенно остро это переживается в кошмарном сне — в этом случае кошмар мы можем рассматривать как невыносимую, отвергаемую истину, отделившуюся от сновидца в форме его сновидения. Двойственность сновидения как сплетения правды и фантазии представлена в романе Н. Геймана в образе врат, ведущих в царство Сна: вырезанные собственноручно Морфеем ворота порождают сновидения; часть из кости порождает сны лживые, часть из рога — вещие[3].

Во сне отрывки объективной реальности и фантазии в тесном переплетении рождают истину, которая всегда больше, чем правда; как отмечает сам Н. Гейман: «Истина — это не то, что случилось на самом деле, но то, что рассказывает нам, кто мы такие»[4]. Истина, открывающаяся во сне, дает ключ к пониманию человеческого бытия, а значит, дает возможность формировать и изменять его.

Прямое воплощение эта идея получает в третьем томе романа («Страна снов») в главе «Мечта тысячи кошек». Сюжет главы разворачивается вокруг «Проповедницы» — сиамской кошки, узнавшей истину во сне. Кошка целенаправленно входит во владения Морфея за откровением. В видении, посланном ей Сном, кошка узнает, что существовал мир, которым управляли коты, имевшие людей в услужении, пока один человек не решился изменить его, вдохновив своих соплеменников мечтать о другой реальности. «Мечты формируют мир. Мечты заново создают мир каждую ночь» — произносит герой, фактически постулируя основную идею романа. Греза тысячи людей, представивших желаемый образ своего бытия, буквально меняет мироздание, и на следующее утро мечта воплощается в реальность: «Они мечтали таким образом, что мир ВСЕГДА БЫЛ таким, какой он сейчас <…> Они меняют вселенную с самого ее начала и до самого ее конца»[5].

Человек в мечте становится демиургом, заново создавая структуру своего бытия[6]. Увиденное во сне отделилось от сновидцев и стало истиной — коллективный сон сформировал объективную реальность подобно тому, как коллективное бессознательное сформировало основы человеческого бытия.

Этот эпизод закольцовывается в финале главы: пробудившись, кошка получает истину, с помощью которой она надеется изменить саму основу своего бытия — и, подобно своему предшественнику из сна, отправляется нести эту истину своим сородичам в надежде, что мечта тысячи кошек сможет сформировать мир заново.

В «Песочном человеке», однако, представлен и иной способ определения собственной реальности — движение *от* мечты. Показателен эпизод из тома «Краткие жизни» — воспоминания Сна о его последнем разговоре со своим братом Сокрушением до ухода последнего. В этом эпизоде во время визита в мир людей Сна сопровождает его лучшее творение — кошмар Коринфянин, поедающий глаза. Все трое посещают вскрытие орангутана. Сокрушение говорит Сну о том, что на смену абстрактным идеям приходит наука — начинается эпоха Просвещения, люди все чаще обращаются к разуму, а значит, время, когда Бесконечные имели свое влияние на жизни людей, подходит к концу. Истина сновидения заменяется истиной объективности: начинается эпоха рационализации, стремления объяснить необъяснимое и убежать от тревоги, вызванной столкновением с невыносимым знанием о себе самом.

Контрапунктом к размышлениям Сна и Сокрушения об уходящем времени грез на переднем плане мы видим Коринфянина, поедающего глаза вскрываемого орангутана. «Объектом ослепления» служит именно примат — и неспроста в романе нам дается его имя — «оран-

оатан», дикий лесной *человек*[7]. Ослепленным оказывается само человечество — обращаясь к разуму, люди делают попытку описать его в рамках понятных для себя категорий, уходя от абстрактных идей (коими и являются Бесконечные) и делая таким образом знание о мире и бытие в нем выносимым. В этом контексте в данном эпизоде примечательно то, что ослеплением занимается именно кошмар Коринфянин, неоднократно называемый в романе «темным зеркалом человечества»: при столкновении с невыносимой истиной человечество ослепляет само себя.

Примечательно, что в романе движение к мечте и от мечты — к истине и от истины — изображено с помощью одного визуального символа — глаза. Грезы и зрение связаны неразрывно; образы, приходящие во время сна или мечтания, считываются как визуальные, хотя и не представлены в объективной реальности. В нашей речи эта взаимосвязь отражена в выражениях «*видеть* сон», «*увидеть* нечто во сне», «сно*видение*» и т. д., в связи с чем выбор глаза, как символа знания истины, рожденной в грезе, кажется вполне подходящим.

В эпизоде главы «Мечта тысячи кошек», рассмотренном ранее, истина о формировании бытия открывается кошке в качестве *видения*, полученного ею при взгляде в глаза Сна: «В его глазах я увидела картины. И в картинах я увидела истину»[8].

И обратный ход мы видим в томе «Краткие жизни» — ослепление человечества Коринфянином выступает в качества отказа от истины — отказа увидеть грезу. Фактическое лишение глаз зловещей фигурой, воплощенной в образе Коринфянина, отсылает нас к «Песочному человеку» Э. Т. А. Гофмана, где столкновение со страхом связано с последующим оскоплением/ослеплением. Но если у Гофмана лишение глаз выступает как репрезентант страха кастрации и является наказанием[9], то у Геймана оскопление/ослепление становится освобождением от страха и тревоги, как и было показано в эпизоде с поеданием глаз примата[10].

В своей статье «Зачем читать художественную литературу» Н. Гейман отмечает: «Легко притвориться, что никто ничего не может изменить, что мы живем в мире, где общество огромно, а личность меньше чем ничто, атом в стене, зернышко на рисовом поле. Но правда состоит в том, что личности меняют мир снова и снова, личности создают будущее и они делают это, представляя, что вещи могут быть другими»[11]. Эта идея является ключевой для графического романа «The Sandman»: бытие определяется личностью и ее способностью грезить. Таким образом, греза, — как сновидение и мечтание — являясь носителем истины, формирует не только сюжетную основу романа Н. Геймана, но и само бытие его героев, задавая направление их движения и способа взаимодействия с реальностью.

Примечания:

[1] Стерледева Т.Д. К вопросу о сущности и структуре мечты / Т.Д. Стерледева // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2011. № 6–2(12). С. 164.

[2] Егорова П.А. Мечта как предмет психологического исследования // Психолого-педагогические исследования. 2014. Т. 6. №. 1. С. 20.

[3] Гейман Н. Нерадивые хозяева / пер. с англ. И. Иванова // The Sandman. Песочный человек. Книга 1: Прелюдии и ноктюрны: графический роман. СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2022. С. 11.

[4] Гейман Н. Зачем читать художественную литературу // Аналитика культурологии. 2015. №. 1 (31). С. 130.

[5] Гейман Н. Мечта тысячи кошек / пер. с англ. И. Иванова // The Sandman. Песочный человек. Книга 3: Страна снов: графический роман. СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2022. С. 19.

[6] Стерледева Т.Д. К вопросу о сущности и структуре мечты // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2011. № 6–2(12). С. 164.

[7] Гейман Н. The Sandman. Песочный человек. Книга 7: Краткие жизни: графический роман / Нил Гейман: пер. с англ. Е. Лихтенштейна. СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2021. С. 108–109.

[8] Гейман Н. Мечта тысячи кошек / пер. с англ. И. Иванова // The Sandman. Песочный человек. Книга 3: Страна снов: графический роман. СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2022. С. 15.

[9] Фрейд З. Жуткое / пер. с нем. Р.Ф. Додельцева // Художник и фантазирование (сборник работ). М.: Республика, 1995. С. 270-271.

[10] Зюзина У.Г. Ад как метафора бессознательного в новелле Нила Геймана «Другие люди» // VIII Фрейдовские чтения: механизмы памяти: Сборник научных трудов по материалам международной научно-практической конференции, Санкт-Петербург, 12–13 апреля 2024 года. СПб: Восточно-Европейский институт психоанализа, 2024. С. 172.

[11] Гейман Н. Зачем читать художественную литературу // Аналитика культурологии. 2015. №. 1 (31). С. 130.

Сведения об авторе: Зюзина Ульяна Георгиевна, психолог, преподаватель АНО ВО «ВЕИП», г. Санкт-Петербург

E-mail: ulzuzina@gmail.com

Information about the author: Ulyana G. Zyuzina, psychologist, lecturer of East-European Institute of Psychoanalysis, Saint-Petersburg

E-mail: ulzuzina@gmail.com